

Помощник Сяо Чэнь очень способный. Он получил от домработницы программу университета и множество номеров телефонов, в том числе университетских консультантов, профессоров и некоторых одноклассников. Придерживаясь концепции «нет расследования, нет права говорить», он позвонил им всем и притеснял их, спрашивая их мнение об Ань Мэйцзун.

Прежде всего, старого профессора сегодня утром на уроке рисования на открытом воздухе. У него седые волосы, но он по-прежнему добросовестно стоит на преподавательской должности.

Получив звонок, он взглянул на группу маленьких детей сзади и обнаружил, что в толпе пропало много знакомых фигур, в том числе Ань Мэйцзун. Он сказал объективно: «Этот ребенок часто не приходит ко мне на занятия, может быть, это старик, которому не хватает обаяния на занятиях».

Старый профессор даже посмеялся над собой. В конце концов, кто захочет солнечным воскресным утром проехать весь путь до озера или глубоко в лесу, чтобы рисовать? Тем более, что учителем является не молодой и красивый учитель, а старик за 60.

И теперь многие молодые девушки чувствуют горечь и усталость, когда выходят на улицу одна за другой, и им приходится мазать всякие вещи, когда они выходят, думая, что их кожа загорит. В этом году он много раз возглавлял команду, поэтому на него много жаловались.

Староста класса был очень близок к старому профессору. Услышав это, он очень расстроено посмотрел на своего наставника и сказал: «Какую ерунду вы говорите? Вы лучший художник в Китае, и существование курсов рисования на открытом воздухе призвано сделать преподавание искусства более увлекательным. Госпожа Ань Мэйцзун, это ее потеря, что она не пришла на занятия!»

Более того, он не видел, чтобы Ань Мэйцзун в одиночку пропускала занятия по рисованию на открытом воздухе. Она пропускала практически любые занятия, полностью в зависимости от настроения. В любом случае, ему не нравились такие студенты, у которых не было большого художественного таланта и навыков рисования, но которые мало работали.

Более того, Ань Мэйцзун часто носит золотую и серебряную одежду, что привносит нотку порывистости в художественный факультет, который «не питается фейерверками» и «сосредотачивается на студии», к чему он не привык.

Поэтому во время телефонного звонка Сяо Чэнь откровенно рассказал все свои впечатления. Сяо Чэнь кивнул и тщательно записал все, что рассказали одноклассники.

У других студенток другое мнение: «Студентка Ань Мэйцзун? Я ей очень завидую. Я слышала, что ее семья богатая, и еще она очень добрая. Она часто дарит нам купоны на скидку в салонах красоты, а также какую-то косметику, к которой она не привыкла».

«Я слышала, что у Ань Мэйцзун дома есть ребенок, и она часто не приходит на занятия,

возможно, потому, что ей нужно присматривать за ним. Ведь женщинам всегда приходится заботиться о своих семьях, и академическая халатность неизбежна».

«Она мне не очень нравится. На уроках она всегда хвастается тем, насколько добр к ней ее муж, и делится с нами фотографиями из поездок в Париж и на Сицилию. Что в этом такого замечательного? Лучше полагаться на мужчину, чем на себя?»

Молодой человек знал, что Ань Мэйцзун вошла через заднюю дверь, поэтому отнесся к ней относительно дружелюбно и сдержался. К сожалению, помощник Сяо Чэнь спросил о посещаемости Ань Мэйцзун, и он смог только правдиво ответить: «Посещаемость не идеальна». Честно говоря, она часто не приходит.

Помощник Сяо Чэнь спросил: «У вас есть какие-нибудь формы?» Быть двусмысленным не идеально. Лучше сразу распечатать данные и показать их начальнику, это может быть более убедительно.

Консультант сказал: «Да, есть». Поэтому ему пришлось напрямую отправить файлы со своего компьютера Сяо Чэню.

Ассистент Сяо Чэнь исследовал поведение и академическую успеваемость Ань Мэйцзун в университете, а затем получил статус кредитной карты Ань Мэйцзун и ежемесячный отчет из банка, включая подробные записи о переводах и денежных переводах, а также оплату таких крупных предметов, как автомобиль и покупки дома. Каждая была потрясающей.

Чтобы выяснить, соответствует ли ситуация действительности, помощник Сяо Чэнь также специально посетил дом матери Ань Мэйцзун и узнал, что семья Ань Мэйцзун недавно приобрела много мебели, их родители также купили новый дом, и даже их родители купили новый дом. Ань Цзюнь, который только вырос в этом году, купил спортивную машину.

Услышав, что помощник Сяо Чэнь принадлежит Инь Юньцю, отношение семьи Ань было почти угодливым. Когда другая сторона спросила, что для них купила Ань Мэйцзун, они несколько раз замахали руками, сказав, что купили это сами в кредит в банке и не имеют никакого отношения к Ань Мэйцзун. Она не тратила деньги мужа на субсидирование своей родной семьи.

Ань Цзюнь даже выскочил и сказал, что его машина была одолжена у его хорошего брата и временно припаркована в его гараже. На самом деле это было всего на несколько дней.

Сяо Чэнь: «...» интересно, были ли у него на лице написаны слова «глупый» и «легко обмануть»?

Перед расследованием он сначала посетил район, где жила семья Ань. Все эти люди завидовали, ревновали и обижались на хорошую дочь, которую родила семья. То, что недавно добавила семья, они не могли скрыть от своих пронзительных глаз. Как только помощник Сяо

Чэнь спросил, ему все подробно рассказали.

В семье Ань Мэйцзун есть дальняя племянница, белая, толстая и милая. Имеет смысл покупать одежду и игрушки для девочек.

Но он все равно притворился дураком и кивнул.

После завершения расследования помощник Сяо Чэнь разобрал, распечатал информацию и передал ее непосредственно начальнику. После просмотра всей информации лицо Инь Юньцю становилось все темнее и темнее, а к его бровям добавилась тень мрачности.

Сюда также входит местонахождение Ань Мэйцзун в течение недели, например, два или три раза посещение салона красоты, четыре или пять раз посещение большого торгового центра и так далее.

Стоимость каждого чека начинается от 10 000 юаней. Однократное потребление неудивительно, но совокупная сумма достаточно шокирует. Инь Юньцю не любил развлекаться, поэтому он не ожидал, что способность женщин тратить деньги будет настолько удивительной.

В частности, Инь Юньцю взял на себя мать и сына Ань Мэйцзун и с тех пор не собирался воспитывать всю семью женщины. Ведь это было богатство, накопленное несколькими поколениями семьи Инь. По сути, он был бизнесменом, и его цель заключалась не в том, чтобы впредь делить этот торт с этой женщиной и ее семьей, а в том, чтобы жениться на красивой жене для своего сына.

Что он увидел в информации!? За год до этого отец и мать Ань ушли домой, сразу после того, как Ань Мэйцзун вошла в семью Инь. Очевидно, в этом году паре только исполнилось 45 лет, и до установленного законом пенсионного возраста еще оставалось время, но они уже бездельничали дома.

А брат Ань Мэйцзун, Ань Цзюнь, тоже целыми днями бездельничал на улицах, причем после окончания профессионального училища, когда ему было 18 лет, он не искал работу.

Кажется очевидным, кто может прокормить такую большую семью, которая вообще не имеет источника дохода, но живет безопасной и стабильной жизнью.

Похоже, он обычно слишком баловал Ань Мэйцзун, а до того, как стать хозяйкой, уже была такой экстравагантной. Если бы она стала хозяйкой, этого было бы достаточно. Инь Юньцю потерял виски от головной боли.

Очевидно, он уже видел, что Ань Мэйцзун была расточительна, тщеславна и даже жестоко обращалась с ребенком дома. Она не была хорошим кандидатом на брак, не говоря уже о

образце хорошей жены и матери.

Если бы он продолжал передавать ребенка другой стороне для поддержки, возможно, она превратила бы ребенка в нечто такое, чего Инь Юньцю не мог себе представить.

Но было бы слишком жестоко позволить ребенку покинуть биологическую мать.

Он тихо вздыхал в своем сердце, и когда он оказался перед дилеммой, он увидел перед собой маленькое белое лицо своего маленького сына, его мясистые маленькие ручки, схватившие его костюм и спонтанно заползшие в его объятия. Инь Юньцю на мгновение напрягся, а затем, как обычно, пришел в себя, поправив свою позу, чтобы маленький ребенок мог более плавно ползать по нему.

Поднявшись на вершину, две маленькие ручки ребенка, нежные, как узлы корня лотоса, цеплялись за отца, держа в руках маленькое печенье, чтобы скрежетать зубами.

После того, как ребенок закончил есть, Инь Юньцю достал еще один кусок из коробки с печеньем и поднес его ко рту. Маленький парень, казалось, очень привык к тому, что его кормят другие, и открыл рот, скуля, как маленькое животное. Его поза во время еды была очень милой, а его маленькие ножки следовали за ним повсюду.

Сердце Инь Юньцю вскоре успокоилось, но, к сожалению, когда он продолжал передавать печенье после того, как накормил маленькую полукоробку, маленькое личико ребенка начало прятаться, а его маленький ротик слегка надулся, выражая намерение больше не есть.

Он смог лишь с сожалением отложить печенье, а затем маленький парень тихо сказал: «Папа, я хочу пить~»

Настроение Инь Юньцю снова немного улучшилось. Он обнял ребенка, достал из коробки молоко и протянул ребенку. Почувствовав аромат молока на теле ребенка, он, казалось, окончательно решился и вдруг сказал: «Минглу, ты любишь больше папу или маму?»

"Папу!" Сказал Инь Минлу без колебаний.

«Итак, если папа и мама расстанутся, ты хочешь быть с папой или мамой?» Инь Юньцю понизил тон.

"Папой!" Разумеется! Инь Минлу не терпелось наступить на свои маленькие ножки, чтобы показать свою решимость.

Но Инь Юньцю не верил случайным обещаниям трехлетнего ребенка. Он знал, что дети — это чистые листы бумаги. Ему нравились все, кто был к нему добр, и тот, кто был в его глазах, был ярким. Такой любви нельзя было перечить за долгие годы.

Он верил в соглашение только в черно-белом виде, поэтому достал распечатанное заявление, в котором говорилось, что малыш, то есть сам Инь Минлу, добровольно будет жить со своим отцом и он не пожалеет об этом в будущем.

Однако это соглашение имеет большие возможности для реализации. Там лишь говорится, что ребенок будет жить с отцом, но это не разрывает полностью связь между ребенком и его матерью. Более того, если ребенок, когда вырастет, не захочет соблюдать это соглашение, он может полностью разорвать его самостоятельно, что уже считается самой большой уступкой бизнес-семьи с ясными интересами.

Инь Юньцю считает, что он плохой человек, и он нежен по отношению к своему ребенку, связанным плотью и кровью. Однако то, как он относится к любви, женщинам и даже своей жене, больше склонно отдавать материальные блага.

Он может гарантировать долгосрочные отношения между членами своей семьи, но не может гарантировать любовь. Однако он все еще может выплачивать деньги своему партнеру по браку из своих ограниченных активов, чтобы обеспечить справедливость в отношении юных лет женщины.

Поэтому, даже если он не женится на Ань Мэйцзун, он может гарантировать, что всегда будет давать Ань Мэйцзун деньги, гарантировать, что она не будет беспокоиться о еде и одежде до конца своей жизни, и не будет полностью мешать ей связываться с ее ребенком.

В этом случае Инь Минлу был ошеломлен и уставился на соглашение своим маленьким лицом, вызвав ошеломление. Только тогда Инь Юньцю понял, что ребенок, вероятно, не знал иероглифы, поэтому он взял его маленькую мясистую руку и объяснил это слово за словом и, наконец, протянул ему ручку.

Он признал, что это был обман невежественного малыша, но его это не волновало. Ань Мэйцзун избивала ребенка и вообще не была подходящей матерью.

Ребенок не был бы счастлив с другим человеком, и даже более того, если бы ребенок рос в атмосфере семьи, он был бы похож на Ань Цзюня, который бросил школу в молодом возрасте и был бойким, а Инь Юньцю естественно не позволил бы этого.

Ручка была слишком тяжелой, Инь Минлу взял ее в свою маленькую ручку и с щелчком уронил ее на пол. Затем Инь Юньцю вспомнил, что, возможно, Минлу не мог даже написать свое имя, не говоря уже о том, чтобы написать, и слово «Лу» имело особенно большое количество иероглифов.

Как раз в тот момент, когда он раздумывал, стоит ли подло «подписаться от имени», ребенок показался ему совсем не таким, как он себе представлял. Он вдруг встал на месте, побежал обратно в кабинет, достал под печатью кусок красной грязи, взволнованно сказал: «Папа, я не умею писать, дай мне нарисовать и отметить!»

По его словам, он поковырял большой палец в красной грязи и со звуком «поп» на одном дыхании нажал несколько красных отпечатков.

Инь Юньцю: «...» Его ребенок действительно умный.

После решения проблемы с ребенком сердце Инь Юньцю упало, и он снова взял информацию Ань Мэйцзун, чтобы внимательно просмотреть ее. Инь Минлу, достигший желаемого эффекта, тоже был очень доволен, держа бутылку молока в руке и вне себя от радости.

Он просто взглянул на информацию Ань Мэйцзун, и оказалось, что та не только хвастается и ведет себя на высоком уровне, но и очень осторожно относится к своей дочери. Она не только невзначай говорит об изменении сына, но и находит в качестве щита дальнюю племянницу.

Он не ожидал, что Ань Мэйцзун что-нибудь расскажет. Ведь сам факт подмены детей – это безрассудство, в котором участвуют две семьи. Обычные люди даже не могут об этом подумать, и это нормально, что какое-то время не имеют возможности узнать.

Однако, пока Инь Юньцю знал, что настоящая мать ребенка избивает ребенка и может отделить его от его номинальной матери, желание Инь Минлу также будет наполовину выполнено.

Потому что он был счастлив, он выпил лишнюю бутылку молока!

Часов в четыре-пять дня Ань Мэйцзун вернулась, но домработница и горничные не смели на нее смотреть, все опустили головы и молча работали.

Ань Мэйцзун всегда была великодушной, поэтому, естественно, не заметила ничего необычного. Посмотрев время, она быстро поднялась наверх, чтобы переодеться, снять макияж и украшения.

Вскоре в зеркало она вернулась молодой женщиной в небесно-голубом домашнем платье, без макияжа и с невзрачным лицом. Она медленно выпрямляла свои вьющиеся волосы, делая вид, что не была на улице весь день.

Сразу на улице послышался звук въезжающей машины. Ань Мэйцзун подумала, что это вернулся ее муж, поэтому ускорила шаги, чтобы выпрямиться, а затем спустилась по лестнице, развернув юбку.

Маленького парня, игравшего с листком бумаги, вывели из комнаты, не обращая внимания на растерянное выражение лица собеседника, и прямо отнесли его в гостиную. Затем она быстро пошла на кухню. Короче говоря, она выгнала горничную, которая готовила, и взяла на себя последнюю работу по готовке.

Горничная прошептала: «Мадам, будьте осторожны». Она уже предупредила. Она надеялась, что дама сможет понять смысл её слов.

Ань Мэйцзун ошибочно подумала, что собеседник напоминает ей, чтобы она была осторожна и не обожглась. Ведь это было важное место на кухне.

Она нетерпеливо махнула рукой и велела собеседнику поторопиться. Она осторожно налила ложкой сладкий кукурузно-тыквенный суп для ребенка, перелила его в большую миску и положила маленькую ложку.

Когда Инь Юньцю случайно вошёл в дверь, она также притворилась, что только что вымыла руки и приготовила суп. Она вышла из кухни и увидела своего мужа с удивлением на лице, говоря: «Юньцю, ты вернулся?»

Инь Юньцю холодно кивнул в ответ. На самом деле тем, кто только что поехал домой, был его помощник Сяо Чэнь, которого он послал за маршрутом Ань Мэйцзун на день, и он только что вернулся, но, поскольку Ань Мэйцзун неправильно поняла, он не хотел объяснять.

Ань Мэйцзун держала в руке небольшую миску. Она выглядела виноватой и тихо сказала: «Я не знала, что ты вернешься, поэтому приготовила только любимый кукурузно-тыквенный суп ребенка».

В конце концов, Инь Юньцю привык рано уходить и поздно возвращаться, и его дом больше похож на отель, а не на компанию. Однако она все еще знает, что Инь Юньцю нравится ее нежное и доброе отношение к своему ребенку, поэтому она подошла к ребенку с маленькой миской и мягко уговаривала: «Детка, открой рот, мама тебя накормит».

Даже если ты хочешь устроить представление, хотя бы помогла мне подуть на ложечку? Такая горячая каша, что даже я, который должен сотрудничать с тобой, не могу закрыть на это глаза. Инь Минглу моргнул и опустил голову, чтобы поиграть пальцами, полностью отказываясь открывать рот.

— Ты сказала, что приготовила сама? — внезапно спросил Инь Юньцю, холодно глядя на Ань Мэйцзун.

От холодного и бесстрастного взгляда запястье Ань Мэйцзун слегка задрожало, а суп из ложки упал прямо вниз, испачкав ее юбку. Ткань юбки была слишком тонкой, и он прямо обжиг бедра.

Обжигающая температура заставила Ань Мэйцзун крикнуть. Она быстро схватила ткань со стола и смахнула рисовые зерна с юбки. После мгновения облегчения ее глаза повернулись, и она изменила свое мнение виноватым тоном, сказав: «Я сказала кухне приготовить. Ведь малыш любит поесть».

Независимо от того, приготовила ли она это сама или сказала кухне, доля заслуги была на ней, а отправной точкой было то, что ребенок любил поесть, что отражало ее самоотверженную доброту и материнскую любовь.

Но на самом деле сегодня днем Инь Юньцю приказал кухне приготовить этот суп. Позже он обнаружил, что горничная порезала тыкву слишком крупно, а кукуруза оказалась тонкой и сломанной.

Он нахмурился и разрезал их сам. Сделал вручную по рецепту. Даже сахар-песок был строго по рецепту. Он боялся, что если положит слишком много, ребенок захочет сладкого.

Горничная просто взяла на себя приготовление супа, и когда через несколько минут он был готов, ее выгнала Ань Мэйцзун, утверждавшая, что она приготовила его для ребенка.

Даже для того, чтобы покрасоваться перед ним, она сделала вид, что кормит ребенка, но даже не заметила, что суп был горячим. Такая женщина смогла скрыть это от него более двух лет, и он уверенно передал ей ребенка. Инь Юньцю разочарованно закрыл глаза. В его сердце было сожаление, но он не стал винить ее и передал ей информацию, которую держал в руке.

Это весь день Ань Мэйцзун: от выхода из дома в 8 утра до возвращения домой в 16 или 17 часов. Прочитав это, Ань Мэйцзун задрожала от страха и продолжала думать в уме, почему Юньцю захотел расследовать ее? Чем больше она думала, тем больше ей становилось страшно.

Инь Юньцю сказал: «Сегодня утром у тебя явно был урок рисования на открытом воздухе, почему ты не пошла?»

Он потратил деньги, чтобы отправить эту женщину в университет, не только из-за необходимости получить высокую степень, но и потому, что другая сторона ранее сказала, что она сожалеет о том, что плохо работала в старшей школе, поэтому пропустила свой идеальный университет.

Поэтому он дал другой стороне возможность поступить в университет, но другая сторона этим не воспользовалась, и то, что она сделала, полностью противоречило тому тону, который она обещала раньше.

По команде Инь Юньцю домработница пошла в комнату Ань Мэйцзун и забрала все десятки пакетов, которые другая сторона получила сегодня во время покупок.

Ань Мэйцзун протянула руку, думая остановить ее, но домработница была высокой и громоздкой, поэтому она аккуратно увернулась и без упущения принесла все пакеты перед Инь Юньцю.

Он не говорил о грудях роскошной одежды внутри, но когда Инь Юньцю нашел два пакета с

одеждой и игрушками для маленькой девочки, его глаза вспыхнули, лицо Ань Мэйцзун полностью обесцветилось, и ее разум на мгновение опустел.

<http://bllate.org/book/14980/1325320>